

Юлия Сергеевна ПОДЛУБНОВА¹

УДК 82.09

**«Я ОДНО ВРЕМЯ ЖИЛА НА СЕВЕРЕ УРАЛА...»
УРАЛЬСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА
Е. А. НИКОЛАЕВОЙ (РАНОВОЙ)**

¹ кандидат филологических наук,
доцент, научный сотрудник,
Центр истории литературы,
Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
tristia@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5210-0861

Аннотация

Статья посвящена уральскому периоду творчества поэтессы Е. А. Николаевой (Рановой), примыкавшей до 1922 г. к авангардистской группе поэтов-«ничегоков», но отнюдь не исповедующей в своем творчестве принципы авангардизма, напротив, наследующей главным образом В. Я. Брюсову, А. А. Ахматовой, С. А. Есенину и др. В статье впервые полностью реконструирована биография поэтессы и впервые собраны и проанализированы материалы, относящиеся к уральскому периоду творчества (1922-1929). Мы отмечаем, что оказавшаяся на Урале в связи с высылкой мужа Александра Ранова (в литературных кругах известного как поэта-«ничегока» Аэция Ранова) и жившая с ним в разных городах региона, Е. А. Николаева (Ранова) вынуждена совершить творческую и жизнетворческую перестройку и начать сотрудничество с советской прессой. Стихи и поэмы уральского периода, публиковавшиеся преимущественно в пермских газетах и журналах, неизбежно приобретали агитационное звучание. Пример Е. А. Николаевой (Рановой) показывает, что в случае длительного пребывания приезжих писателей на Урале есть смысл рассматривать не только их вклад в создание образа региона, но и изменения в символических статусах или манерах письма, случившиеся здесь, а также культурные механизмы, приводящие к этим изменениям. С другой стороны,

Цитирование: Подлубнова Ю. С. «Я одно время жила на севере Урала...» Уральский период творчества Е. А. Николаевой (Рановой) / Ю. С. Подлубнова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 150-162.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-150-162

показательно и то, что поэтесса, идущая в своем творчестве на компромиссы со временем, в некоторых особо важных для нее текстах так или иначе сохраняла элементы индивидуального стиля, уводящего все к тем же поэтическим практикам Серебряного века.

Ключевые слова

Поэзия 1920-х годов, «ничевоки», Елена Николаева (Ранова), уральская печать 1920-х годов, образ Урала, образ Севера, литературная жизнь на Урале, «Живая театрализованная газета».

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-150-162

Введение

Урал глазами приезжих писателей, т. е. тех, кто посетил регион или жил здесь какое-то время, — тема не новая для литературоведческих, краеведческих, культурологических исследований. Объектами изучения в этом смысле не раз становились «дорожная литература» и травелоги (Е. Г. Власова), вклад приезжих в создание «геопэтики» региона (В. В. Абашев), уральского «локального текста» (Е. К. Созина) и т. д. Анализировалась острабяющая и одновременно вовлекающая оптика, которой наделены писатели-туристы, позволяющая дерутизировать и реонтологизировать повседневность региона, увидеть его ландшафтную, производственную, бытовую специфику и при этом выстроить сопостранственные связи, о которых пишет реконструирующий метафизику путешествия Д. Н. Замятин [6], и в конечном счете через событийную причастность к освоенному пространству и с помощью инструментов письма включить региональное в контексты общероссийского и глобального. Как мы знаем, не только уральцы Ф. М. Решетников, Д. Н. Мамин-Сибиряк, П. П. Бажов открывали и в литературном плане изобретали регион, но и посетившие его А. П. Чехов, Б. Л. Пастернак, Л. М. Рейснер, В. В. Маяковский, Л. Арагон, В. П. Катаев, А. Т. Твардовский и др.

Между тем, проезд писателей в какой-либо регион или продолжительное пребывание в нем, отраженные в нарративах о поездке или целом отрезке жизни, имели помимо аспекта рецептивного аспект социокультурный, затрагивающий «социальное бытование» (Б. М. Эйхенбаум) литературы и литераторов в регионе. Приезжающие вольно или невольно проводили ревизию литературных институций и сообществ, работающих (или не работающих) на местах. Как пишут Е. Г. Власова и А. П. Ведерников, «можно говорить о разных аспектах жанрового анализа локального текста: это и обстоятельства литературной жизни (ключевой текст, личность писателя, литературная среда, внешние связи и т. д.), и историко-культурный контекст, и географические и климатические характеристики ландшафта. Очевидно, что актуализация каждого из них связана с особенностями конкретного локального текста или отдельного типа локальных текстов» [3, с. 143]. В отдельных и специальных случаях логично рассматривать не только вклад писателей в создание образа региона, но и те изменения

в символических статусах или манерах письма, которые произошли за время поездки/пребывания здесь, а также сами механизмы символического «в конструировании литературного поля» (П. Бурдьё; Б. В. Дубин), присущие локации/пространству и в конечном счете приведшие к указанным изменениям.

Пример «ничевока» Елены Николаевой (Рановой) в подобном разговоре напрашивается сам собой.

Методы

В статье используются методы исторической и историко-литературной реконструкции (историко-генетический метод), элементы типологического и системно-структурных методов, учтены достижения гуманитарной регионалистики, исследований локальных текстов, «геопозтики» и социологии литературы.

Результаты исследования и их обсуждение

Для начала имеет смысл реконструировать биографию поэтессы. Елена Александровна Николаева, известная также под фамилией Ранова (09.04.1897, г. Сольвычегодск, Вологодская губ. — декабрь, 1979, г. Курган) — русская поэтесса, журналист, педагог. Родилась в семье переводчика и ссыльного революционера. В 1908 г. переехала в Псков, в 1912 — во Францию, где посещала лекции в Сорбонне. В Россию она вернулась в 1916 г., училась на филологическом факультете Донского университета (Ростов-на-Дону) и на философском факультете Московского университета. Начиная с 1918 г. увлеклась поэзией, выступала с чтением стихов в Ростове-на-Дону и в Москве. В 1920 г. была принята В. Я. Брюсовым во Всероссийский профессиональный союз поэтов. В это же время Е. А. Николаева примкнула к литературной группе «ничевоков», а в 1921 г. в Москве вышла замуж за поэта-«ничевока» и санитарного врача Александра Ранова, известного в литературных кругах как Аэций Ранов. Супруги жили в Москве и Подмосковье, где у них появился первый сын. В 1922 г. А. И. Ранов был выслан по делу левых эсеров на Урал. Рановы жили в Камышловое, Верхотурье (здесь родился второй сын), Н. Тагиле, Перми. Как внештатный автор Е. А. Николаева, уже подписывающаяся фамилией Ранова, с 1925 г. сотрудничала с уральской прессой. В Перми заведовала литературным кружком, читала лекции, участвовала в культурных мероприятиях. В 1929 г. Рановы уехали на Украину, с 1938 г. жили в Таджикистане. Здесь Е. А. Николаева (Ранова) окончила вечернее отделение Сталинабадского педагогического института (Душанбе), работала в таджикских вузах. В 1950 г. супруги переехали в Курган. Е. А. Николаева (Ранова) стала заведовать кабинетом усовершенствования русского языка и литературы в Институте усовершенствования учителей, была приглашена в качестве лектора в общество «Знание», являлась одним из организаторов народного университета культуры при курганской библиотеке В. В. Маяковского. Известно, что в Кургане Е. А. Николаева (Ранова) коллекционировала декоративные прикладное искусство, проводила выставки. С конца 1920-х гг. стихов не писала, но в 1970-х собрала самиздатовский сборник «Из двух тетрадей» (1975) и написала серию

воспоминаний о встречах с В. Я. Брюсовым, С. А. Есениным, В. В. Каменским, В. В. Маяковским, И. Г. Эренбургом и др., о «Живой театрализованной газете» и литературной работе в Перми [5, с. 4-5].

Уральский период жизни и творчества Е. А. Николаевой (Рановой) начался в 1922 г. и продолжился вплоть до 1929 г. В первую очередь и главным образом, он был ознаменован изменениями статуса поэтессы. Уехав далеко от Москвы, супруги Рановы оказались не только вне литературной и издательской деятельности «ничевоков», которая уже шла на спад, но и вне столичной литературной жизни в целом. Проживая в малых уральских городах, Рановы были практически отрезаны от литературной печати. В таких условиях сохранять прежние установки «чистого искусства», доставшиеся поэтам в качестве эстетического наследия Серебряного века, было сложно. Е. А. Николаевой (Рановой) очевидно пришлось определять свое отношение к эпохе, настраиваться на новый лад «человека эпохи Москвошвея» и следовать по тому же пути, по которому чуть ранее проследовал Василий Каменский (ему поэтесса посвятила одну из своих пермских лекций, а затем — один из мемуарных очерков [5, с. 25-26]): из художественной богемы в советские поэты [1]. Это означало активное сотрудничество с советской газетой и агитационную поддержку инициатив и действий власти. Мы не знаем, как тяжело далась поэтессе эстетическая перестройка, но с уральской прессой она начала сотрудничать только несколько лет спустя. В 1926 г. Е. А. Николаева (Ранова) стала внештатным сотрудником пермской «Звезды», а затем включилась в работу «Живой театрализованной газеты». Отныне ее тексты — стихи, очерки, статьи, агитационные пьесы и т. п. — сопровождалась подписью «Елена Ранова» или «Е. Р.», а с 1927 г. у нее появился псевдоним с легко считываемым политическим подтекстом Елена Сталь. Судя по фотографиям в книге «Елена Ранова» (2011), изменился даже облик поэтессы: из феминной красавицы Серебряного века с толстыми косами она превратилась в советскую женщину-журналиста в кепке и кожаной куртке, что заставило критика Льва Левина заметить, что внешне она подражала не то Ларисе Рейснер, не то Зинаиде Рихтер [9, с. 321].

Поэтическое творчество Е. А. Николаевой (Рановой) также заметно трансформировалось. Несмотря на принадлежность к группе «ничевоков», поэтесса никогда не увлекалась художественными практиками авангарда. Ее поэзию 1918-1922 гг. можно рассматривать как синтез наработок символизма (например, исследователи находят прямые переключки с В. Я. Брюсовым [15, с. 97]), акмеизма, столь любимого поэтами так называемой «южной школы» (влияние поэзии А. А. Ахматовой, Н. С. Гумилева), С. А. Есенина [7, с. 214] и др. Циклы стихотворений «Змеиные крыльца. Стихи об Яриле» (1920), «Подмосковье мое» (1920), «Голубой покой» (1920), «Северные стихи» (1921), «Псина» (1921), «Мать Сыра-Земля» (1922), «Стихи к сыну» (1922) демонстрировали довольно широкий, но в то же время весьма характерный для поэзии Серебряного века диапазон художественных стратегий: от переложений мифологических и фольклорных сюжетов («Змеиные крыльца. Стихи об Яриле», «Мать Сыра-Земля») до тонко

нюансированной любовной лирики, от бытовых зарисовок до переосмысления литературных реалий (как, например, цикл «Северные стихи», где героями стали гамсундовские Глан и Нагель). Общим моментом в стихах Е. А. Николаевой (Рановой) являлось сочетание природного и культурного, окрашенное личностными переживаниями («Мне снился твой звериный взгляд, / Когда по улицам туман / Неслышной поступью шагал. / О, Глан» [5, с. 49]; «Я, как Сольвейг, / Легко побегу на лыжах. / Сегодня солнечный день, / И деревья в белых ризах» [5, с. 66]). Стихи нередко были адресованы близким людям: мужу, сыну и др.

Уже в стихах 1923 г., написанных Е. А. Николаевой (Рановой) в Камышловое, появляются уральские реалии, но весьма специфические. В частности, в лирике 1923-1927 гг. становится центральным образ тундры, бескрайней, непокорной, несущей холод и гибель. Как позже вспоминала сама поэтесса, «Я одно время жила на севере Урала, и когда там дули холодные ветры, продувая насквозь тайгу, которая окружала наш городок, люди говорили: “Это ветер с тундры...”» [5, с. 76]. Стоит, впрочем, оговориться, что под севером Урала пишущая подразумевала вполне среднеуральские территории. По крайней мере, в одной из статей, созданных для «ЖТГ», с характерным названием «По живым газетам Северного Урала» речь идет о Свердловске, Кушве, Верхотурье, Н. Тагиле, Надеждинске (самом северном из перечисленных городов) и т. п. [20]. В российской географии Восток так или иначе обладает характеристиками Севера, и у Е. А. Николаевой (Рановой) Урал с его суровыми климатическими условиями и северная тундра соединились в одну поэтическую связку. Для обитательницы юга и равнинной части России встреча с уральской природой: снежными просторами, холодным ветром, полярной ночью и т. п., без сомнения, была более художественно заряженной, чем воображаемые норвежские холода, описанные в цикле «Северные стихи».

К примеру, если раньше в стихах Е. А. Николаевой (Рановой) могло оказаться «синее море» с гусями (геленджикский цикл «Псина»), то Урал являл просторы моря ледяного, полярного, сопряженного с пространством смерти. «Длинными шагами к морю / Глыбы льда руки трогают. / Ветер тундры впился в губы, / Взмахами крыльев леденя» [5, с. 76]. Ее Урал – это однозначно Север со всеми соответствующими характеристиками.

В поэме «Ветер в тундре», опубликованной впервые под названием «Гибель экспедиции» в январе 1927 г. в пермской газете «Звезда» [17], на первый план выходит образ страшного ветра: «Черный, огромный, крыльями кондора / Ветер метнулся от льдов...»; «Только ветер остервенелый / По тундре шатается» [5, с. 77]. Сама тундра мертва, «даже птичьи крылья не трещат» [5, с. 77], и только олени в состоянии прокладывать путь по ней. В уральских стихах поэтесса впервые в своем творчестве задумывается о том, насколько хрупкой является человеческая жизнь: служащие Статбюро, отправившиеся на Крайний Север переписывать ненцев, гибнут. «А те — четверо — не видели, как рассвело. / Над ними ветер тундру выровнял» [5, с. 80]. Ледяная пустыня равнодушно поглощает человека — и здесь Е. А. Николаева (Ранова), несмотря на явную агитационную составляющую «Ветра в тундре», наследует экзистенциально-

мифологической линии изображения Севера в литературе конца XIX — начала XX века [19] и только отчасти приближается к советской героической концепции трансформации природы человеком (образ четырех переписчиков, пытающихся покорить тундру).

В этой поэме очевидно сходятся две линии творчества Е. А. Николаевой (Рановой): лирическая, заданная стихами 1918-1921 гг., и все более оформляющаяся публицистическая, связанная с новой ролью советского «газетного автора», на которую соглашается поэтесса. Не случайно поэма была приурочена к всесоюзной переписи 1926 г., в газетном варианте ее предваряла новостная заметка: «В тундре началась перепись туземного населения. Работа переписчиков сопряжена с большими трудностями и опасностями. Полярная ночь и разбросанность населения тундры осложняют работу». При этом Е. А. Николаева (Ранова) не просто включилась в журналистскую работу и привнесла газетный факт в поэзию — теоретическое основание для этого дала платформа ЛЕФ, идеи которого активно пропагандировал в Перми А. И. Ранов [9, с. 321]. Ощущая связь с эпохой, Е. А. Николаева (Ранова) уже не могла писать, как прежде.

Мы можем установить момент, когда в поэзии Е. А. Николаевой (Рановой) прерывается «чистая лирика». Это 1924 г., когда была закончена поэма «Прелюдии», посвященная революции и «трагедии трех смертей». В книге «Елена Ранова» 2011 года, наиболее полно на сегодняшний день представляющей творчество поэтессы, приведен только один фрагмент поэмы, в котором оплакивается гибель поэта, революционера, друга супругов Рановых Оскара Лещинского. В мемуарном очерке, посвященном ему, Е. А. Николаева (Ранова) вспоминала: «Еще одна большая встреча с поэтом была на моем жизненном пути. Это встреча с Оскаром Лещинским, имя которого часто стоит рядом с именем Сергея Мионович Кирова. <...> Новый, 1919 год, мы встречали вместе у одного из соратников С. М. Кирова — Ю. П. Бутягина...» [5, с. 19-20]. Известно, что именно Лещинский познакомил будущих супругов. В поэме Е. А. Николаевой (Рановой) его гибель однозначно трактуется как потеря родного человека:

Рвите же, тоски моей снаряды,
Небесный свод.
Рядом
Я чую мертвый рот [5, с. 75].

Между тем, личный, экспрессивный разговор о смерти («Мой крик прорвет небосвод...» [5, с. 74]) разворачивается здесь на фоне революционных перемен, идущих в России. Образ России сопрягается с образом разрушительной стихии: «Кровью колышат зори / Пулемета треск в небе»; «Революции крылья / Над Россией взметнулись» [5, с. 75]. Подобное сопоставление заставляет вспомнить, например, «Демоны глухонемые» М. А. Волошина, артикулирующего ужас братоубийственной войны, однако поэтика текста Е. А. Николаевой (Рановой) далека от волошинской: семантика плача коррелирует здесь с плакатной поэтикой футуризма 1920-х гг.

В опубликованном фрагменте поэмы нет политических оценок происходящего, видна только попытка пережить боль утраты, травму войны и близких смертей, однако именно здесь, в точке схождения личного и политического, происходит формирование гражданского сознания поэтессы.

«Последним подъемом моей поэтической деятельности были годы жизни в Перми» [5, с. 32], — писала Е. А. Николаева (Ранова) в воспоминаниях. Приехав в Пермь в 1926 г., супруги активно включились в литературную жизнь города. А. И. Ранов принимал участие в «вечерах рецензий» при Центральной научной библиотеке, делал разборы литературных новинок, отстаивал левовские идеи, и противостоять ему в спорах не мог никто [9, с. 322]. Е. А. Николаева (Ранова) вела городской литературный кружок, читала лекции и доклады о современной литературе (например, о поэзии В. В. Каменского). В 1929 г. она даже сопровождала в поездке по Прикамью литературную бригаду ВЦСПС: В. Луговского, В. Казина, К. Минаева, С. Громана. Сотрудничая со «Звездой» и «Живой театрализованной газетой», поэтесса выполняла разнообразную творческую и организационную работу. Писала не только стихи, но и статьи, живгазетную продукцию (агитационные сцены, инсценировки газетных статей), рецензии на прочитанное и т. д. Важна была ее публичная позиция поддержки власти, предполагающая не только освоение советской историографии, но и применение языка советской риторики. Например, рецензию на романы «Сдается внаем» и «Серебряная ложка» Дж. Голсуорси Е. А. Николаева (Ранова) весьма характерно заканчивала политическим пассажем: «В дни резкого напора Англии на нас романы Голсуорси приобретают особенный социальный интерес, ибо старая Англия зашла в окончательный тупик, бесится и мечется перед наступающим социальным переворотом» [14].

Практически все ее живгазетные материалы — «санпросветные живгазетные доклады» «Грипп», «Каждый должен знать, как туберкулез побеждать», «статьи» «Это статья о том, как по Охране Труда работает завком...», «Концовка к живгазете, посвященной 10-летию профсоюза Metallистов», «Хочешь мира, готовься к войне», «каркасы» «Самогон из быта вон», «Перу Рабселькора!», песни «Октябрьская», «Песня о советском строительстве» и проч. — также отвечали текущему политическому моменту. «Мы вышли из „Синей блузы“, но приобрели и свои черты, — давала характеристику живгазетной работе Е. А. Николаева (Ранова), — у нас была более прямая, я бы сказала, лобовая агитация и разнообразие театральных форм — физкультурные упражнения (излюбленная концовка — пирамида с декламацией), народный балаган с Петрушкой, частушки, самое простое оформление, плакаты и другие виды, как теперь называют „наглядной агитации“» [5, с. 16]. «Буди, толкай, отрезвляй, чисти, высказывайся, ратуй за новь — вот, живгазетчик, твоя позиция по отношению к драмкружку» [11, с. 45], — теоретизировал активист живгазетного движения и один из организаторов журнала Евгений Пермяк [8, 12], и Е. А. Николаева (Ранова) также агитировала и теоретизировала на страницах издания, одновременно выстраивая принципиально обновленную индивидуальную творческую стратегию.

Ее агитационные тексты так же, как и более ранняя лирика, были вовсе не-свободны от влияний. Среди поэтических вставок в живгазетные инсценировки Е. А. Николаевой (Рановой) не сложно найти фрагменты подобного рода:

Не устанут гудеть заводы,
Грохотать не устанут молота...
Мы из металла скованы.
Наши нервы — стальные провода.
Мы несем сквозь годы бурь и затиший
Раскаленный чугун побеждающей воли.
Товарищ Ленин, ты умер, но ты слышишь,
Как завод заводу гудком вторит.
<...>
Говорим: наша революционная воля
Крепка!
Крепка!
Крепка! [15]

Общее пролетарское «мы», планетарный масштаб происходящего и «мифо-ритуальная основа» [10] выдает близкое знакомство автора с пролеткультовской поэзией. Расположенные в виде лесенки восклицания-повторы указывают на влияние поэзии В. В. Маяковского, встреча с которым, как напишет Е. А. Николаева (Ранова) в воспоминаниях, «станет одной из самых памятных» [5, с. 20].

Впрочем, влияния эстетики Пролеткульта и одновременно ЛЕФа не избежал никто из живгазетных авторов — лесенки, мобилизирующая риторика, пролетарское «мы», плакатный стиль и проч. были скорее общим местом в художественных практиках живгазетчиков. Между тем, стихи, которые Е. А. Николаева (Ранова) публиковала в газете «Звезда», при всей их политической направленности, сохраняли особенности прежней авторской манеры, отличающейся лиризмом и образностью, идущей из поэзии Серебряного века (см.: «9 января», «Красная армия», «Сан-Жан-Су» и др.). Наиболее показательным стихотворением в этом плане становится «В ночь под рождество», где поэтесса напрямую вступает в напряженный диалог с А. А. Блоком и поэмой «Двенадцать». Используя образ метели, ее семантику стихии, сметающей старый (несправедливый) мир, Е. А. Николаева (Ранова) отказывается от изображения и осмысления революции (возможно, эта тема закрыта поэмой «Прелюдии»), полемично предлагая принципиальное переосмысление роли Христа в финале блоковской поэмы. «Если ж скажут: надо верить. / Вот родился в ночь, мол, сам Христос. / Захожем: в век неверья / Нет Христа и венчика из роз» [16], — пишет поэтесса, вновь прибегая к пролетарскому «мы», тем самым смещая фокус с изображаемого на субъектное и словно бы вещая от имени победивших стихию «двенадцати».

Не сложно заметить, что «В ночь под рождество» является также своеобразной отсылкой к другим текстам Е. А. Николаевой (Рановой). Например, заставляет вспомнить как вторую часть цикла об Яриле, посвященную Христу (в которой, возможно, также присутствовал атеистический посыл), так и поэму

«Ветер в тундре», также имеющую блоковские подтексты: четверо переписчиков, продирающиеся сквозь снежную тундру в поэме, оказываются вполне соотносимы с блоковскими «двенадцатью», уходящими в неизвестность, метель, при том что их гибель у Е. А. Николаевой (Рановой) означает отнюдь не провал общего дела, но его торжество, не зависящее от индивидуальных судеб идущих сквозь метель, т. е. торжество нового мира, неведомое А. А. Блоку.

О том, что художественные практики и решения Серебряного века не отпускали Е. А. Николаеву (Ранову) во второй половине 1920-х гг. свидетельствует и тот факт, что, будучи живгазетной работницей, она пытается реанимировать в практике драмкружков фигуру Петрушки [18], которая связана, с одной стороны, с народным театром и фольклором, с другой — с системой персонажей и образностью Серебряного века (известно, что балет «Петрушка» И. Ф. Стравинского содержал отсылки к «Балаганчику» и арлекинаде того же А. А. Блока) [2].

Даже обращаясь в своей поэзии к рабочей и — эпизодически — горнозаводской тематике, Е. А. Николаева (Ранова) использует сложную экспрессивную образность, заставляющую вспомнить художественный опыт и символистов, и имажинистов.

«Из пробоин мартеновских печей / Ринулась сталь, рассыпая голубые звезды. / В каких пространствах придется лечь ей, / Раскинув рельс стальные полосы?..» [4], — писала поэтесса в стихотворении, приуроченном к девятой годовщине Октября.

Конец уральского периода творчества Е. А. Николаевой/Рановой совпал, по ее признаниям, с завершением поэтической деятельности [5, с. 30-32]. И хотя работа литсотрудника продолжилась в газетах Украины, да и публикации «Живой театрализованной газете» в 1929 г. не закончились, к пересомыслению себя как поэта Е. А. Николаева (Ранова) вернулась только в 1970-е гг., когда, живя уже в Кургане, создала цикл эссе-воспоминаний о литературе и литераторах 1920-х гг. и подготовила самиздатовский сборник стихотворений.

Заключение

Литературная судьба Е. А. Николаевой (Рановой) более чем показательна в контекстах эпохи 1920-х гг., находящейся в прямой зависимости от творческого опыта Серебряного века и одновременно старающейся преодолеть эту зависимость, в том числе с помощью создания литературных группировок и написания манифестов, а в дальнейшем — в связи с включением литераторов в работу советской прессы. Впрочем, оказавшаяся на Урале Е. А. Николаева (Ранова) никак иначе не могла сохранить статус публичного литератора, как только через активное сотрудничество с газетой, что к тому же оно удачно совпало с ее персональным и коллективным в случае «живгазетчиков» увлечением левыми идеями о «литературе факта». С другой стороны, показательна и то, что поэтесса, идущая в своем творчестве на компромиссы со временем, в некоторых особо важных для нее текстах так или иначе сохраняла элементы индивидуального стиля, уводящего все к тем же поэтическим практикам Серебряного века. В составленный ею в 1970-е гг. самиздатовский сборник (на его основе в 2011 г. вышла курганская книга «Елена Ранова») явные агитки так и не были включены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипина З. С. Литературная репутация В. В. Каменского в историко-культурном контексте 1920-1930-х гг.: автореф. дисс. ... канд. фил. наук / З. С. Антипина. Пермь, 2012. 19 с.
2. Буткова О. Волшебство и механика. Сказочные герои темы среди кукол и марионеток Серебряного века / О. Буткова // Вопросы театра. 2012. № 3-4. С. 154-165.
3. Власова Е. Г. Травелог в истории литературного открытия Урала: к вопросу о роли жанра в структуре локального текста / Е. Г. Власова, А. П. Ведерников // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С. 143-149.
4. Е. Р. Загудели гудки, загромыхали молота... / Е. Р. // Звезда. 1926. № 264. 17 ноября.
5. Елена Ранова. Издание из цикла «Сохранить и продолжить» Курганского областного центра литературного краеведения / Елена Ранова. Курган: Центр «Отклик», 2011. 100 с.
6. Замятин Д. Н. Метафизика путешествия / Д. Н. Замятин // Культура путешествий в Серебряном веке. Исследования и рецепции. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. С. 12-25.
7. Кукуй И. Ничевоки России — Дада Запада или Диктатура ничевочества над искусствами / И. Кукуй // Revolution und Avantgarde. Berlin: Frank and Timme, 2018. С. 209-226.
8. Кушканов В. Из истории народного самодеятельного театра Советского Урала («живые газеты» рабочих клубов Урала 20-30-х годов) / В. Кушканов // Фольклор Урала. Вып. 4. Свердловск, 1978. С. 87-109.
9. Левин Л. Такие были времена / Л. Левин. Москва: Сов. писатель, 1991. 396 с.
10. Левченко М. Индустриальная свирель: поэзия Пролеткульта 1917-1921 гг. / М. Левченко. Санкт-Петербург: СПГУТД, 2007. 141 с.
11. Пермь Е. Живая газета и драмкружок / Е. Пермь // Живая театрализованная газета. 1926. № 2. С. 44-45.
12. Подлубнова Ю. С. Агиттеатр 1920-1930-х гг. на страницах «Живой театрализованной газеты»: жанровая специфика / Ю. С. Подлубнова // Литература сегодня: знаковые фигуры, жанры, символические образы. Екатеринбург: УрГПУ, 2011. С. 141-145.
13. Портнягин В. Чудаки, украшающие мир / В. Портнягин // Елена Ранова. Издание из цикла «Сохранить и продолжить» Курганского областного центра литературного краеведения. Курган: Центр «Отклик», 2011. С. 96-99.
14. Ран. Ел. Книжная полка / Ел. Ран. // Звезда. 1927. № 139.
15. Ран. Ел. Концовка к живгазете, посвященной 10-летию профсоюза Metallistov / Ел. Ран. // Живая театрализованная газета. 1927. № 8. С. 51-53.
16. Ранова Е. В ночь под рождество / Е. Ранова // Звезда. 1926. № 297.
17. Ранова Е. Гибель экспедиции / Е. Ранова // Звезда. 1927. № 13. С. 3.
18. Ранова Е. Петрушку нужно и должно использовать в Живой газете / Е. Ранова // Живая театрализованная газета. 1928. № 16. С. 28-29.
19. Созина Е. К. Север в литературе путешествий начала XX века / Е. К. Созина // Русский травелог XVIII-XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск, 2016. С. 151-182.
20. Сталь Е. По живым газетам Северного Урала / Е. Сталь // Живая театрализованная газета. 1928. № 17. С. 38-40.

Yulia S. PODLUBNOVA¹

UDC 82.09

**“I ONCE LIVED IN THE NORTH OF THE URALS...”
URAL PERIOD OF E. A. NIKOLAEVA’S CREATIVITY
(E. A. RANOVA’S CREATIVITY)**

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Researcher,
Center of Literary History, Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg)
tristia@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5210-0861

Abstract

The article is devoted to the Ural period of creativity of the poetess E. A. Nikolaeva-Ranova, who joined the avant-garde group of poets which was called “nichevoki” until 1922, but by no means professing the principles of avant-gardism in her work, on the contrary, inheriting mainly V. Ya. Bryusov, A. A. Akhmatova, S. A. Yesenin etc. For the first time the article completely reconstructs the biography of the poetess, collects and analyzes materials related to the Ural period of creativity (1922-1929). We note that E. A. Nikolaeva, who found herself in the Urals in connection with the expulsion of her husband Alexander Ranov (known in literary circles as the poet who was called “nichevoka” — Aetius Ranov) and lived with him in different cities of the region, E. A. Nikolaeva-Ranova is forced to make a creative and life-creating restructuring and begin cooperation with the Soviet press. Poems and poetries of the Ural period, published mainly in Perm newspapers and magazines, inevitably acquired an agitational sound. E. A. Nikolaeva-Ranova’s example shows that in the case of a long stay of visiting writers in the Urals, it makes sense to consider not only their contribution to the creation of the image of the region, but also changes in symbolic statuses or writing manners that happened here, as well as cultural mechanisms leading to these changes. On the other hand, it is also significant that the poetess, who compromises with time in her work, somehow preserved elements of an individual style in some texts that were particularly important to her, leading back to the same poetic practices of the Silver Age.

Citation: Podlubnova Yu. S. 2021. “I Once Lived in the North of the Urals...” Ural Period of E. A. Nikolaeva’s Creativity (E. A. Ranova’s Creativity)”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 150-162.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-150-162

Keywords

Poetry of the 1920s, "nichevoki", Elena Nikolaeva-Ranova, the Ural press of the 1920s, the image of the Urals, the image of the North, literary life in the Urals, "Live theatrical Newspaper".

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-150-162

REFERENCES

1. Antipina Z. S. 2012. "V. V. Kamensky's Literary Reputation in the Historical and Cultural Context of the 1920s — 1930s". Cand. Sci. (Philol.) abstract diss. Perm. 19 p. [In Russian]
2. Butkova O. 2012. "Magic and mechanics. Fairy-tale heroes of the theme among dolls and puppets of the Silver Age". Theater Questions, no. 3-4, pp. 154-165. [In Russian]
3. Vlasova E. G., Vedernikov A. P. 2019. "Travelogues in the history of the literary discovery of the Urals: on the role of genre in the structure of the local text". Ural Historical Herald, no. 2 (63), pp. 143-149. [In Russian]
4. E. R. 1926. "The beeps rang out, the hammer rattled...". Star, no. 264. [In Russian]
5. Elena Ranova. 2011. Edition from the Cycle "Save and Continue" of the Kurgan Regional Center of Literary Local Lore. Kurgan: Center Otklik. 100 p. [In Russian]
6. Zamyatin D. N. 2020. "Metaphysics of travel". Culture of Travel in the Silver Age. Research and Reception. Moscow; Yekaterinburg: Cabinet Scientist. Pp. 12-25. [In Russian]
7. Kukuy I. 2018. "Nichevoki of Russia — Dada of the West or the Dictatorship of Nichevoki over the Arts". Revolution und Avantgarde. Berlin: Frank and Timme. Pp. 209-226. [In Russian]
8. Kushkanov V. 1978. "From the history of the national amateur theater of the Soviet Urals ('live newspapers' of the workers' tangle of the Urals 20s-30s)". Folklore of the Urals, iss. 4. Sverdlovsk. Pp. 87-109. [In Russian]
9. Levin L. 1991. Such were the times. Moscow: Soviet writer. 396 p. [In Russian]
10. Levchenko M. 2007. Industrial Pipe: The Poetry of the Proletkult 1917-1921. Saint Petersburg: SPGUTD. 141 p. [In Russian]
11. Permyak E. 1926. "The live newspaper and a drama club". The Live Theatrical Newspaper, no. 2, pp. 44-45. [In Russian]
12. Podlubnova Yu. S. 2011. "Agitteater 1920-1930s on the pages of the 'The Live Theatrical Newspaper': genre specificity". Literature Today: Iconic Figures, Genres, Symbolic Images. Yekaterinburg: UrGPU. Pp. 141-145. [In Russian]
13. Portnyagin V. 2011. "Eccentrics that adorn the world". Elena Ranova. Edition from the Cycle 'Save and Continue' of the Kurgan Regional Center of Literary Local Lore. Kurgan: Center Otklik. Pp. 96-99. [In Russian]
14. Ran. El. 1927. "Bookshelf". The Star, no. 139. [In Russian]
15. Ran. El. 1927. "Ending to the live newspaper dedicated to the 10th anniversary of the Metalist trade union". The Live Theatrical Newspaper, no. 8, pp. 51-53. [In Russian]

16. Ranova E. 1926. "On Christmas Eve". The Star, no. 297. [In Russian]
17. Ranova E. 1927. "The death of the expedition". The Star, no. 13. [In Russian]
18. Ranova E. 1928. "Petrushka must and should be used in the Live Newspaper". The Live Theatrical Newspaper, no. 16, pp. 28-29. [In Russian]
19. Sozina E. K. 2016. "The North in the travel literature of the early 20th century". Russian Travel Guide of the 18th-20th Centuries: Routes, Toposes, Genres and Narratives. Novosibirsk. Pp. 151-182. [In Russian]
20. Stal E. 1928. "According to live newspapers of the Northern Urals". The Live Theatrical Newspaper, no. 17, pp. 38-40. [In Russian]